

16+

Евгения Черноусова

Вечная зависть

Евгения Черноусова

Вечная зависть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42396941

SelfPub; 2019

Аннотация

Кому может помешать обычная провинциальная учительница? Однако после развода и переезда в другой город в её жизни происходит череда странных событий.

ГЛАВА 1-я.

«Если вам кажется, что ситуация улучшается, значит вы чего-то не заметили»

Второй закон Чизхолма, следствие 2.

Осень была необыкновенно теплая. Конец октября, а Агния Львовна все еще ходит в плаще. Дождей нет, сухо и солнечно. После уроков ей не захотелось идти домой, и, выйдя из ворот гимназии, она повернула не к дому, а к Кайловой горе. Пройдя мимо храма, она вошла в ворота городского парка и, свернув на боковую аллею, стала собирать кленовые листья. Букет получился необыкновенно ярким. Агния Львовна вышла из парка, перешла через дорогу и по скверу пошла к рынку, решив купить что-нибудь из фруктов и навестить старую учительницу Елену Игнатьевну. «Когда мне было в последний раз так светло на душе?», – подумалось. Наверное, с юности не была в такой гармонии с собой. И сразу окоротила себя маминой присказкой: «Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела». Не сглазить бы!

Кто-то знакомый идет навстречу. Это же папа Игнаши Асикайнена! Три недели назад Елена Игнатьевна попросила Агнию взять мальчика к себе в класс на время отсутствия папы. Они вообще в областном центре живут, но что-то там у них с бабушкой случилось. В общем, живет Игнатий у Елены Игнатьевны, катает ее годовалого внука, своего тезку, в коляске, учится в гимназии, а на воскресенье Агния Львовна обоих Игнаш забирает к себе. Надо же Елене Игнатьевне

отдохнуть!

Сошлись, поздоровались. Что-то во внешности Андрея Игнатьевича было не то...

– По-дурацки я выгляжу, да? Понимаете, волосы поползли от химиотерапии. Пришлось побрить голову. Вот...

Он сдернул шляпу.

За что-то Агния зацепилась боковым зрением. Что-то не сулящее добра. Да это же наша машина... то есть Борина... откуда она здесь? Она с усилием вернула взгляд на собеседника и сказала:

– Извините, отвлеклась на воспоминания. Венечка, мой брат, он рано лысеть начал, после тридцати сразу. Некоторое время кудри кое-как проплешину прикрывали. Потом плюнул и побрился. Сам привык, но родные-то не видели, он в Москве живет. Приезжает, и что же? Светка... это моя дочь, она завизжала и за дверь спряталась. Мама заплакала, муж... мой бывший, заржал. Я остолбенела. А сейчас мне кажется, что у него у бритого внешность... не знаю, как сказать... более мужественная, что ли. Вам надо просто привыкнуть. И потом, лицо у вас загорелое, а голова бледная. Загорать не полезно, но с лица со временем загар сойдет, все сравняется. И вообще, это у Венечки глупые волосы навсегда покинули его умную голову. А у вас они отрастут. Они ведь жесткие, – она коснулась его головы и продолжила. – Не удивляетесь моему интимному жесту, мне надо немного скомпрометироваться, а я знаю, что вы – мужчина разведенный, и ни перед

кем отчета не держите. Дело в том, что за нами сейчас мой бывший муж наблюдает.

– Если бывший, то какие претензии? – спросил Андрей Игнатьевич. – А скомпрометироваться с такой милой женщиной – это же рейтинг холостяка вверх пошел! В какую сторону пойдём?

И взял у нее из рук букет в одну руку, прихватив другой за локоть.

– Вы ведь в школу, Андрей Игнатьевич? За Игнашей? Они на обед пошли, а потом в клуб на спектакль. Вы уж потерпите, пусть сходит. Этот спектакль – это такой кошмар, но детям нравится. Там кукольный театр, всякие зверюшки. А на просцениум выходит настоящий актер в костюме охотника и начинает интерактив: по моей отмашке первые три ряда будут свистеть, ряды с четвертого по седьмой реветь медведем, а задние кричать «пиф-паф». И всё в таком духе. Я вчера группу водила, потом анальгин пила. А они в восторге! Так что давайте до школы дойдем. Пока дети вернутся, я вам выписку из журнала сделаю для старой школы Игнаши.

– А что там у нас с мужем? Вы от него сбежали?

– Наоборот, он от меня. Ушел внезапно к молодой. Я, конечно, в шоке. А потом оказалось, что старая жена – как старый башмак: неказиста, но удобна. И месяца через два он намекнул, что не исключает возможности, что осчастливит меня, если я... ну, словом, вроде я виновата, что он меня бросил. Но я за это время тоже к новой обуви привыкала.

И привыкла ведь! Мне понравилось жить одной. Дочь у нас замужем и живет далеко. Ради кого мне себя ломать по новой? Вот, уехала, чтобы люди не завидовали. Никто не знает, что я здесь. Как Борис меня нашел, неужели Венечка проговорился? Зачем? Надо же, даже теперь не уехал, идет сюда.

Андрей Игнатьевич обнял ее за плечи и громко спросил:

– Агничка, мы к тебе или ко мне?

– Не помешал?

Агния подняла глаза: как изменился! Бледный, похудевший, злой. Кое-что она знала о его делах от оставшихся все-таки после развода подруг: с треском провалилась вторая биологическая смена, куда он сдуру назначил свою Лошадь; до сих пор не разрешены проблемы по ремонту спортзала; после нескольких случаев общения с его Лошадью стали посмеиваться над ним друзья, особенно те, кто со школой не связан.

– О, Борис! Какими судьбами?

– Милая, не понял! Это еще кто?

– Андрюшенька, не обращай внимания, это бывший муж.

Он приехал о разводе договориться.

– Вот это дело! Давай, решай этот вопрос по-быстрому и мы с тобой, что ли, распишемся!

– Агния, постеснялась бы! До внуков дожила, а туда же – кавалера завела!

– И опять не понял! У нас Светлана родила, а я не знаю?

– Нет, Андрюшенька, – с трудом сдерживая смех, сказала

Агния Львовна. – Ты же знаешь, ей в ноябре рожать.

– То-то же! А то и не узнаю, что с бабушкой сплю!

– Ну, знаешь! – Борис развернулся и бросился к своей машине.

– Боря, а развод когда? – крикнула ему вслед Агния Львовна.

Когда машина скрылась за деревьями, они рухнули на парковую скамью и захохотали.

– Не переборщил я, а? Насчет «сплю»?

– Самое то! Теперь точно отстанет! Спасибо, Андрей Игнатьевич!

– Э, нет, Агничка! Как-то странно на «вы» возвращаться после таких интимных подробностей.

– Согласна, Андрюша! Друзья навеки!

Вечером позвонила тетка:

– Ну что, помирились?

– Тетя Рая, так это вы мне такую подлянку устроили? А я уже на Венечку подумала!

– Помирились?

Агния отчитала тетку за ее дурацкое сводничество и уверила ее, что после того, как Боря застал ее в весьма компрометирующей ситуации, примирение сторон невозможно. Теперь он и сам поспешит разорвать их формальный союз.

– А с тем-то... ну, который скомпрометировал, вы с ним поженитесь?

– Дались вам эти свадьбы, тетя Рая! Мне на пятом десятке

самое время! А партнер мой женат и с детьми малыми! Так что будем жить во грехе.

На рассвете позвонил телефон. Еще бы спать и спать, ей ведь только к третьему уроку. Но звонил Сережа: Света родила! 3100, 51 сантиметр, волосы темные. Назвать решили Ольгой.

– Ужас! – воскликнула Агния Львовна.

Сережа удивился, что же тут такого. Агния Львовна пояснила, что именно так зовут тестеву избранницу. Но, может, по этому поводу он расщедрится для внучки. Попросила передать Свете привет, сказала, что после двух попыток дозвониться поняла, что разговаривать с ней не желают, поэтому просит Сережу поздравить жену от имени тещи. А Сережа спросил, как бы она сама назвала внучку. Да как-нибудь так же и назвала, если бы не тестя твоего адюльтер, засмеялась Агния Львовна. Учитывая отчество и фамилию, имя должно быть двусложным и без «р». Ей, например, очень нравится имя Ия. Означает «фиалковый луг», достаточно редкое и в то же время не новое. В святцах 24 августа.

Встала и с грустью подумала: даже отпраздновать не с кем. Разве что с Еленой Игнатьевной. Но вообще-то это повод проставиться в коллективе! Собралась и бодро почесала в сторону рынка.

Когда она выбирала торты в гастрономе, Сережа перезвонил и с хохотом поведал, что послан в органы регистрации оформить свидетельство о рождении на имя Ия. Не выдер-

жал, ляпнул про имя новой жены. Тогда его допустили к выбору имени, которое всем неожиданно понравилось. Пусть теща не беспокоится, про ее авторство не было сказано ни слова. Вот поумнеет Светка – и узнает!

Выходя из школы, Агния Львовна увидела у ворот хнычущую первоклассницу.

– Что это такая большая школьница плачет?

– Бабушка за ней не пришла, – ответил охранник. – Сейчас позвонила, говорит, ногу повредила. Просит одну отправить. А я сомневаюсь. Вот пойдут большие ребяташки – с ними пусть идет!

– Кажется, нам по пути. Ну-ка, адрес свой знаешь?

– Чирка, 19.

– Точно, соседи! Пойдем!

Девочка Зоя дорогой рта не закрывала. Она рассказывала о школе, о соседях, о кошке Муське, о деревьях, о новой кукле, о курочках, которых нужно кормить... Если на тротуаре были начерчены «классики», она по ним прыгала, если попадалась урна, она в нее заглядывала, если их путь пересекала кошка, она за ней гонялась. Агния Львовна, останавливаясь в ожидании, невольно обратила внимание на машину с сильно тонированными стеклами, которая медленно двигалась за ними, и мысленно похвалила охранника, который не отпустил эту пигалицу одну. Уже у дома Зоя показала трубу, горизонтально торчащую из кустов:

– Видите, какая?

– Коновязь, что ли?

– Раньше здесь тротуар заканчивался, – объяснила вышедшая из ворот бабушка. – Сразу ограждение не убрали, а теперь мы даже рады, а то бы тут машины ставили. Ишь, норовят на газон заехать!

– А я подумала, кто-нибудь не заметит за листьями и напорется. Если по тротуару ехать и на газон свернуть, эта труба прямо на уровне капота в машину войдет!

– Нет у нас таких остолопов, чтобы по тротуару кататься! И нечего зеленые насаждения давить!

Агния Львовна попрощалась с бабушкой и внучкой и двинулась дальше.

Порыв ветра сбросил с крыши гаража кучу листьев. Агния Львовна испуганно отпрянула, споткнулась и упала, а тут же мимо пронеслась машина. Она бы сбила ее, если бы Агния не попятилась! Она вскочила. Машина затормозила у самых ворот, задом вырулила на дорогу и умчалась вперед. Агния Львовна стала отряхивать подол, но повернулась на крики. Возмущенно кричала Зоина бабушка и еще одна старуха, протянувшая руку вперед и указывающая не то на Агнию, не то еще на что-то за ней. Агния Львовна повернулась туда и увидела, что по тротуару навстречу ей несется все та же машина. Она растерялась, не сообразив даже нырнуть в калитку ближайшего дома, и помчалась назад. Старух как ветром сдуло к забору, только бабушка Зои почему-то выставила руку и показывала на дорогу? газон? Газон!

Агния Львовна свернула на газон и помчалась к кустикам с трубой. И лязг! Она остановилась, боясь обернуться. Крики. Обернулась. Она только что говорила об этом! Труба как будто лежала поверх капота машины. Её конец скрывался в искрошенном стекле. Подбежал мужчина из соседнего дома, дернул дверцу со стороны водителя: «Ты что, сука? Ты зачем на женщину напал?» и Агнии: «Подойдите! Вы его знаете?» Она глянула на водителя: вроде цел, только на подбородке кровь. Незнакомый. Она помотала головой. «А ты ее знаешь? Как зовут?» «Агния Ива...», – и голова упала набок.

– Её Агния Львовна зовут, дядя Валера! Она учительница!

Егоза Зоя уже не только выбежала со двора. Она обежала машину кругом и стояла рядом с этим дядей Валерой и заглядывала в машину. В Агнии Львовне проснулся ее педагогический долг:

– Зоя, немедленно в дом! Бабушка, уведите ребенка!

Подбежала еще одна пожилая женщина, конечно, сначала заглянула в машину, шепнула мужику: «Валера, он же помер!», а потом схватила девчонку за руку и поволокла к бабке.

– Может, он вас с кем-то перепутал, – набирая номер, спросил он и тут же громко стал говорить. – Серега, записывай. Тут у нас на Чирка наезд на пешехода. Причем умышленный. Давай гайцов и оперативников. Я не командую, я налогоплательщик и требую, чтобы моя милиция меня берег-

ла! Да, водитель, по-моему, того, а пешеходу требуется медицинское освидетельствование. Кто у вас за старшего? Ну, ему-то я сам позвоню. Агния Львовна, – разыскивая очередной номер, спросил он. – Может, он какую-нибудь другую Агнию хотел убить, Ивановну, только перепутал?

– Я Ивановская...

– А! Саша, слушай сюда! Тебе Васильев уже сказал, что я звонил? А ты слушай, Саша, слушай! Сейчас у нас тут по тротуару гонялся ржавый «форд» за новой учительницей из гимназии. Наткнулся на старое металлическое ограждение и застрял. Кажется, ё... это самое, ну, короче, грудью о руль – и кирдык. Машина не наша, малый не наш, жертва его не знает. Но вот что интересно, Саша. Он жертву назвал по имени и фамилии. Как тебе такое? И я так же думаю, Саша! Ну, так что, сам приедешь или Белякова пришлешь? И ты иди туда же!

Подъехали друг за другом три полицейские машины и «Скорая помощь». Галдели соседки, полиция не успевала отгонять ребятишек, Агнию Львовну попросили еще раз взглянуть на водителя. Его уже вынули из машины и положили на землю. Агния Львовна добросовестно еще раз его разглядела, но вновь уверенно заявила, что никогда раньше не видела.

– Гончаров его фамилия. Иван Гончаров. Может, это вам что-нибудь напомнит?

– Фамилия не из редких, но у меня таких знакомых нет.

Никаких ассоциаций... кроме писателя.

– А враги у вас есть?

– Разве что кому-нибудь оценку занизила? За такое не давят машиной...

– Ну, может, соперница? Или деньги не поделили?

Агния Львовна вздохнула:

– Какие любовные страсти в сорок лет? Я уже бабушка! И какие деньги могут быть у учителя биологии?

– Ладно, хорэ, Саша, – сказал Валера. – Если у тебя еще есть чего спросить, давайте в дом. Агнии Львовне надо умыться, чайку попить, прилечь, может быть. Татьяна, Таиска!

От калитки отделилась высокая полная женщина в цветастом халате на молнии с накинутой сверху курткой и двинулась, рассекая толпу как ледокол. Никто из милиционеров даже не пытался ее остановить, один даже поднял перед ней огораживающую ленту. В кильватер пристроилась та, что уводила Зою: меньше ростом, постарше, но поджарая и шустрая: «Пойдем, милая!»

Они ее умыли как маленькую. Плащ сдернули. Маленькая шустрая Таиска сказала: «Таня, я отчищу!» Крупная Таня стряхнула рукой пыль с подола юбки и прошлась влажным полотенцем по колготкам: «Вот и порядок!» Тем временем за окном шум стихал. Убрали заграждения, уехали спецмашины. Разошлась публика. Хозяин дома спросил:

– Мы обедать будем?

– Нет, я пойду...

– Походите, но попозже. Мы вас проводим. Саша, давай к столу, до дома еще когда доберешься! Давайте знакомиться, дамы! Это Агния Львовна. Я Валерий Андреевич Кожевников, это жена моя Татьяна Ивановна, это соседка наша и настоящий друг Таисия Андреевна. Большого полицейского начальника Александра... Васильевича вы уже знаете. Я понимаю, что вам кусок в горло не лезет, но вы хоть пару ложек супчика хлебните! А может, налить чего от стресса?

– Спасибо, не надо. Я сегодня уже шампанское пила, оттого так по-дурачки себя вела. Мне бы в вашу калитку нырнуть, а я по тротуару побежала. Дави, не хочу! Спасибо, бабуля на трубу показала, напомнила!

Собеседники спросили, по какому поводу лилось шампанское, а когда узнали, женщины завизжали, и даже мужчины оживились. Татьяна Ивановна тут же выставила на стол графин смородиновой настойки, а мужикам («так уж и быть!») разрешила взять бутылку беленькой. Таисия сказала, что грех не выпить, и стала вспоминать, как у нее первая внучка появилась. «Еще она что-то вспоминает, – засмеялась Татьяна Ивановна. – А у меня тот день – один сплошной провал в памяти!» Постепенно они размотали весь сегодняшний день Агнии поминутно. Она рассказала и о разговоре с бабушкой о трубе, и то, что на машину, медленно следующую за ними, обратила внимание еще по дороге. Полицейский, все время отвлекавшийся на телефонные перегово-

ры, при этом сказал: «По поводу машины ты был неправ, дядя Валера. Машина наша, у Попова Володьки угнали с утра». Зазвонил телефон Агнии. Она посмотрела: свекровь. «Ну ее!». Полицейский Саша велел сегодня на все звонки отвечать, это, мол, важно. Ответила. Пять минут слушала обличающий монолог. Чтобы занять себя чем-то, взяла в правую руку вилку и принялась есть. Потом сказала: «Клавдия Васильевна, у меня сейчас деньги на телефоне кончатся. Я тоже вас поздравляю с рождением правнучки!» Наступила пауза. Агния поняла, что бабушку известить никто не соизволил. «Я внучке кроватку подарила, а сваты – коляску. Так что вам что-нибудь другое дарить придется. И еще. Поторопите Бориса с разводом. Из вашего обличающего монолога я поняла, что характер моих взаимоотношений с Андрюшей не является для вас тайной. Вы по Ольге знаете, как это бывает, когда свежесть чувств. А вдруг у нашей Светочки появится сестричка? И что прикажете, ее Ивановой записать?». Захохотала и отключила телефон. «Свекруха?» – понимающе кивнула Таисия. Агния поглядела на собеседников счастливым взглядом и сказала этим едва ли не в матери годящимся ей женщинам: «Вы не представляете себе, девочки, какое это счастье – звать ее по имени-отчеству! Я двадцать лет звала ее мамой и добивалась ее любви! А она меня чуть ли не в глаза называла дурочкой и мечтала развести с сыном. Мы расстались, а счастье у нее не наступило! Новая невестка ей в пояс не кланяется, и старая в ногах не валяется!» И рассказа-

ла о вчерашнем спектакле в сквере. Женщины смеялись до слез, а Валерий Андреевич пробурчал: «Унижать-то мужика зачем?» Агния стала уверять хозяина дома, что это не ответ на двадцатилетние унижения, а просто способ доказать бывшему мужу, что возврата нет. «Я никогда не покинула бы его в горе и болезни, но ушел сам – и баста!» Мужики думают, что они такое счастье! А Агния Львовна пожила одна и поняла, что брак – это кабала. Если он не понимает, что она выбирает свободу, пусть думает, что она нашла более привлекательную кабалу.

Снова звонок. Тетя Рая. Голос совсем слабый: «У тебя все в порядке, Агничка?» Болеет тетка, не грузить же ее своими проблемами! «Всё отлично, тетя Рая! Внучка у меня родилась! Вот, отмечаю! Тут меня уже свекровь поздравила! Ты зачем Борису сказала, что Венечка дом на меня купил? Они ведь затевают раздел имущества! Да не волнуйся, Венечка – юрист, ему ли не знать, на кого покупки оформлять. На себя он дом оформил».

– Раиса Ивановна? – спросил Валерий Андреевич. – По школе ее помню. Злоязыкая баба, извините.

– Да, Венечка зовет ее гиеной в сиропе.

Опять расспросы. Об имуществе, о родне. Агния понимает, что это любопытство не пустое, а деловое, так им и говорит: вот я, вся перед вами. Самой интересно, кому я, такая простая, помешала.

Позвонила Елена Игнатьевна. Ей уже о наезде донесли,

поэтому пришлось всё откровенно рассказать. После разговора с ней Агния Львовна объявила, что Андрей Игнатьевич причиной наезда быть не может: оказывается, его в последние месяцы так пощипали бывшие жена и компаньон, что он едва ли сохранил десятую часть своего капитала, и никому теперь не интересен.

Потом все проводили Агнию Львовну до ворот ее дома.

В последующие дни ничего интересного не происходило. Расспрашивали ее все, даже незнакомые. Вызывал следователь. Ничего было не понятно. То ли ее пытался убить маньяк, которому что-то в ней не понравилось: имя, фамилия, рождение внучки, возраст, цвет волос. Может, ее в карты проиграли. Может, кому-то надоело биологию изучать? Хотелось пожаловаться Венечке, но она понимала: расскажи Агничка брату о произошедшем – и он тут же примчится и увезет ее. А ей понравилось жить здесь.

ГЛАВА 2-я

Последний раз ты мучаешь меня,
Последней будет эта наша встреча,
И озарит последний этот вечер
Последний луч угаснувшего дня.

В. Коневич

Мама Агнии Львовны Агриппина Григорьевна говорила, что мужчина всегда должен держать удар, а женщина – лицо. Что бы ни случилось, Агничка, сохраняй лицо. И Агничка сохраняла. Никто не должен знать, что ты устала, обиже-

на, больна. Только близкие люди тебя пожалеют, а остальные могут только позлорадствовать.

После смерти Агриппины Григорьевны Агния Львовна не сохраняла лицо только перед братом Венечкой и мужем Боренькой. Нет, не так. Боренька слишком часто раздражался, поэтому, в основном, она сохраняла лицо и перед ним, только иногда срываясь. И всегда понимала потом, что срывы эти Бореньку раздражали, а чаще радовали. А братец Венечка жил в Москве. Так что Агния Львовна сохраняла лицо почти всегда.

Именно поэтому она стоически не дрогнула лицом, когда Боренька сказал, что уходит от нее. Непосредственно перед этими роковыми словами она подавала ему завтрак и спрашивала его мнения о предстоящем своём юбилее: говорят, сорокалетие не положено отмечать, примета плохая. Не давая себе возможности задуматься, чтобы не потерять лицо, она спросила:

– Переедешь к маме? Вещи свои сразу заберешь или позже?

У Бореньки обиженно дрогнула губа:

– Ты намекаешь на то, что это твоя квартира?

– А чего намекать, – рассудительно заявила Агния Львовна. – Это квартира моих родителей...

– ...в которую мы въехали, как только любимая теща осталась одна и начала хворать, – подхватил возмущенно Боренька. – Я терпел ее придирки, горшки, стоны...

– Не фантазируй, Боренька. Когда начались стоны, ты слинял к маме. А к горшкам ты на пушечный выстрел не приближался.

Боренька хлопнул дверью. Через некоторое время его новая машина скользнула мимо окон. Похоже, брошенная женщина должна ходить на работу пешком. Там и ходу-то десять минут... ну, пятнадцать от силы, но все равно обидно. И в учительской все сразу поймут, что директор Борис Николаевич с женой поругался. Что бы такое сказать? А чего придумывать? У них в Романове все обо всех всё знают. Это Агния Львовна чего-то о Борисе Николаевиче не знает. Не донесли, потому что она никогда не поощряла сплетни. Может, стоило иногда прислушиваться к сарафанному радио?

– Что это вы по отдельности? – перехватила ее на лестнице Валентина Петровна, завуч. Они дружили домами, потому что она, ее муж Петя, преподающий труды, и Боренька были одноклассниками. И Венечка. А Агния на два года старше.

– Так будет и впредь, – ответила ей Агния Львовна, продолжая подниматься по лестнице и кивая обгоняющим их школьникам в ответ на их «Здрась...».

– Уходит он все-таки к этой лошади, – вырвалось у Валентины Петровны.

От неожиданности Агния Львовна засмеялась. Ну и ну! Лошадью техничка Лидия Васильевна назвала юную географичку Ольгу Васильевну, первый год преподающую в их школе. Крупная блондинка, ростом едва ли не выше Борень-

ки, а растолстеет – будет казаться больше; симпатичное кукольное личико и стерильно девственный мозг; южнорусский говор и патологическая неграмотность. Как, интересно, Боренька будет вводить ее в круг своих друзей, в котором Агния за двадцать лет брака так и не получила права голоса? Когда она высказывала своё мнение, Боренька всегда кривил лицо, словно извиняясь заранее перед друзьями за ожидаемую банальность. Да, интересно, а как они поделят друзей? Впрочем, тут все ясно: Агния Львовна увидела злое лицо Бориса Николаевича, мелькнувшее в переходе к актовому залу и хвост коричневой юбки Валентины Петровны, кинувшейся за ним. Продолжая смеяться, она повернула к учительской. Но в учительскую входила уже с обычным своим лицом – никаким. Сама виновата. Боренька отвадил от дома всех её подруг, считая одних дурами, других проститутками. А его друзья... вот интересно, кто сохранит с ней хотя бы внешне добрые отношения?

А почти никто. Когда спустя полтора месяца Венечка позвонил и сказал, что приедет на ее сорокалетие и спросил, что ей купить на юбилей, она сказала: ничего. Не надо ни застоля, ни подарков. Только пусть Венечка приедет. А то Агния уже полтора месяца сохраняет лицо и чувствует себя... какой-то статуей. Свободы, вот! «Может, родиной-матерью?» – засмеялся Венечка. Нет, родина-мать выражает эмоцию, взывает к сыновьям. А у Агнии тут взывать не к кому, поэтому она просто стоит, не снимая тернового венца,

обдуваемая всеми ветрами, и сохраняет лицо. Плывут пароходы – привет Свободе! Вы так и не помирились? Приеду – разберусь. Вот только не надо, сказала Агния. Мне уже доложили, что Боренька высказался, как тошно изо дня в день наблюдать рядом стареющее тело жены. Ты думаешь, после этого захочется сблизить тела вновь?

– Убью гада! – взревел Венечка, наконец-то что-то понявший.

– Нет, Венечка, не надо, – грустно сказала Агния Львовна. – И не думай, что я как всегда отмолчалась. Я согласилась с мнением предыдущего оратора: со стороны старение очень заметно. И очень жалко бывает партнера, когда у него дряхлеют отдельные члены...

Отходчивый Венечка хохотнул. Потом спросил:

– Судя по твоим словам, обратного хода нет?

– А о чем я толкую вам полтора месяца? Только вы меня не слушаете, ни ты, ни Света. Боренька всем внушил, что я так вопиюще бездарна, что в мою голову больше одной мысли не помещается, и за меня всё решать надо!

– Сдается мне, сестренка, что ты в отчаянии, если так несправедлива ко мне...

– Нет, Венечка. Я за это время поневоле поняла, что Борис – не такая уж потеря. Мне только обидно, что дочь меня не слышит. А ты... приезжай, сам всё увидишь.

– Я не к юбилею, я завтра приеду, Агничка!

И Венечка приехал. Он вошел в дом, продолжая разгова-

ривать по телефону. Мама бы сейчас сказала: «Гешефтмахер!» Он сказал: «До свидания, Владислав!» В трубке заверещало. «А как вас зовут?» Опять верещание. «Да, был у меня такой одноклассник. Только он умер вместе со всей семьёй. Для меня, по крайней мере». Венечка сунул трубу в карман и обнял сестру. Агния выбралась из его объятий:

– Кто из вашего класса умер?

– Да это Славка Чагин, дерьмо. Просил сыну квартиру приискать, он в институт собирается. Я ему говорю, у тебя на юбилее поговорим, а он мне: не могу, перед Борей неудобно. Они что, все так с тобой?

– Не посылают в глаза, но общения по возможности избегают. Так что не продолжай в том же духе, а то совсем без друзей останешься.

– На... таких друзей! Ой, прости, Агничка, сорвался. Я Борьке столько лет спускал его командный голос в семье, но теперь, когда вы не вместе, я со всем Романовым расплююсь, если ты согласишься отсюда уехать.

– Как хорошо, Венечка, что ты сам это предложил!

– Квартиру продадим, я добавлю сколько надо. Будем соседями, а?

– Ты знаешь, Венечка, я в Москве не могу.

– Ладно, в Подмосковье!

– Я к Светочке сначала съезжу, потом решим.

После юбилея Агния Львовна тихонько, чтобы не разбудить Венечку, пробралась через зал в прихожую и стала

наводить красоту перед выходом из дома. Как ни странно, стрижка, сделанная вчера в салоне красоты областного центра, сегодня понравилась ей больше. Вчера выпрямленные волосы выглядели какими-то чужими. А сегодня после душа они снова вились, и ассиметричная стрижка выглядела как шапочка, залихватски сдвинутая набок. Агния прихватила из холодильника купленный вчера торт и отправилась в школу.

– Вау! – завопила секретарша Галочка, увидев ее. – У кого стриглись?

– В областном центре, салон «Эллада», – прихорашиваясь перед зеркалом, ответила ей Агния Львовна. – Самой понравилось!

– Ой, а колечко! Подарок? Камни натуральные?

– Сапфир с бриллиантами от Венечки. До сорока лет у меня никакой ювелирки, кроме обручального кольца, не было. Да и то родители дарили. Пора начинать красивую жизнь!

– Устали, наверное, гостей принимать?

– И нисколечко! Венечка сказал: пора бросать эту провинциальную привычку экономить на себе. Юбилярша, сама на стол накрывающая, как свадебная лошадь: голова в цветах, а ж... в мыле. В ресторане мы были. Несколько столов сдвинули – и гуляли! Да, Галочка, я в лагере. Ты предлагай тортик к чаю, кто появится из учителей.

Выбравшись из учительской, Агния увидела удаляющегося по коридору Борю. Опять, дурак, подслушивал. Оттого и

язва у него.

Второй год подряд в школьном летнем лагере набирали биологическую группу. Как ни странно, даже старшие школьники охотно её посещали. Сегодня был предпоследний день смены. Агнию Львовну девчонки встретили визгом, мальчишки – свистом.

– Будем считать вашу недисциплинированность за одобрение моего прикида, выражаясь вашим языком. Всё, двинулись на завтрак!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.